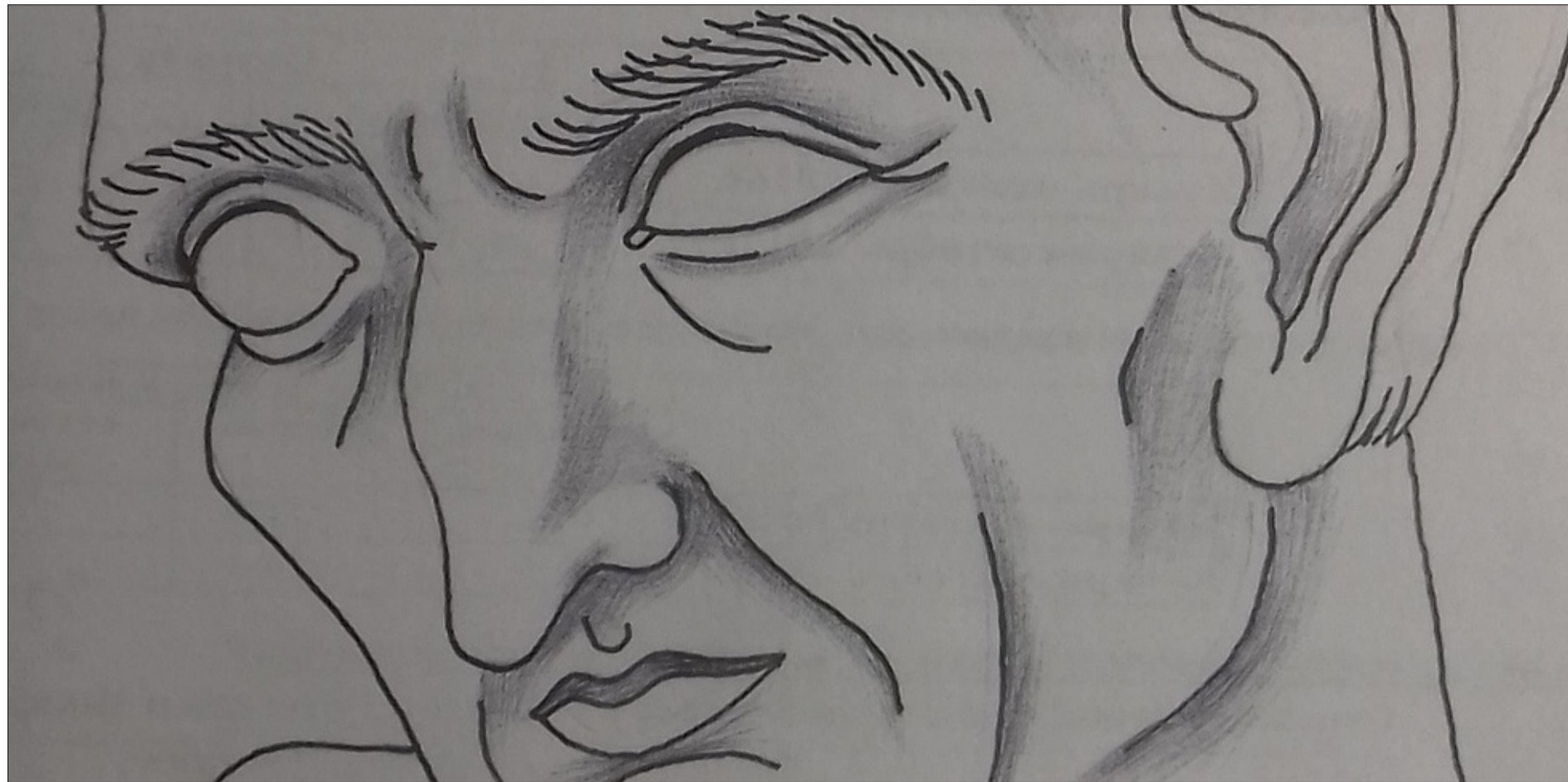

Times New Roman

СУББОТА, 6 ИЮНЯ, 2020 | ГОД ХХХХ | НОМЕР 1 | МОСКОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ | ЦЕНА: БЕСЦЕННО

Изображение предоставлено Паршиной К.

О, “закрой свои бледные ноги” Publius Ovidius Nasō

Как взял он ружьё своё, элегии лёгкие, шутки.

СЕМЁН РОМАЩЕНКО, Томск

В книге второй «Любовных элегий» Публия Овидия автор ведет повествование от первого лица, периодически обращаясь к своим героям, используя повелительное наклонение.

В элегиях речь идет о влюбленности автора в Коринну. Любовь для Овидия, что свойственно литературе его времени, сакрализована, ее символом в данном случае выступает образ бога Амура (Купидона – имена в стихах чередуются), к которому Овидий обращается не раз. Овидий в первых строках сразу очерчивает целевую аудиторию своих элегий:

«Пусть читает меня, женихом восхищаясь, невеста
Или невинный юнец,
раньше не знавший любви».

Автор сам дает оценку своим стихам: он высоко ценит их и рассчитывает, что в них любой влюбленный молодой человек может узнать себя, то есть провозглашает их в некотором смысле обладающими признаком универсальности. Такая экстраполяция личных отношений Овидия приводит к выводу о том, что поэт не за-

мыкает свои произведения исключительно на частной ситуации, описываемой им, а уже, как и любой серьезный поэт, проецирует их на любые человеческие отношения. Поэзия Овидия примечательна, среди прочего, тем, что в ней особо подчеркивается ее «многообразие», универсальность и даже намеки на вечность.

Обращает на себя внимание, что Овидий делает отсылку к своим прежним сочинениям, посвященным великим подвигам воинов, о которых он ранее писал, а теперь не мо-

«Пусть читает
меня, женихом
восторгаясь,
невеста.
Или невинный
юнец, раньше не
знавший любви»

жет из-за того, что влюбился, и этой теме теперь посвящена

Гений - гению

“Овидий, я живу близ тихих берегов”, так начинается стихотворение “К Овидию” А.С. Пушкина, “солнца русской словесности”. Отрывок из этой поэмы мы публикуем как приветствие и благодарность культуре-преемника культуре-учителю.

«Чье сердце хладное,
презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?

Кто в грубой гордости прочтет без умиления
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?
Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их; изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил

его поэзия. Интересно сопоставление оружия в прямом смысле, о котором он писал в своих предыдущих произведениях о войне, и оружия самого Овидия – в переносном, метафорическом смысле:

«Взял я оружие свое:
элегии легкие, шутки».

Тут же необходимо отметить, что Овидий отдает предпочтение последним, так как по собственному обоснованию автора они действеннее и их применение намного шире. Овидий обращается к мужу

любимой женщины напрямую: «Будь же разумен, о страж, моего не заслуживай гнева», «Видел ты, верно, не раз у доносчиков цепи на шее» и т.д. Такое обращение строится на том, что Овидий дает советы и адресует к «стражу» его возлюбленной свои просьбы. При этом на протяжении всего произведения автор руководствуется принципом талиона и соображениями мести, а в отдельных местах даже пытается запугать мужа возлюбленной: «Кто вероломен душой, в смрадной темнице сидит», «Будь же разумен, о страж, моего не заслуживай гнева: Тем, кто внушает нам страх, смерти желаем, о страж!». Трагедия Овидия понятна: он признает, что ему остается только любить незнакомку издали, со стороны, она не его и его никогда не будет, а поэтому:

«Я не преступник, о нет!
Не намерен я смешивать яды,
Не простираю руки с грозно блестящим мечом.
Только молю, чтобы ты любить мне позволил спокойно,—
Можно ль на свете найти просьбу скромнее моей?»
Здесь нужно заметить частые изменения тона,

Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи». ■

который берет Овидий: принимая идею любить издали, в то же время влюбленный отмечает особую красоту женщины, а также тот факт, что эта красота окажется совершенно праздна, если она останется со своим мужем, который этой красоты не понимает и не сможет понять, ведь «не рожден для езды верховой, для тяжелых доспехов». В этих строках безутешная

*«Осуществится
всегда то, что
желанно двоим»*

ревность Овидия достигает абсолюта. Единственное, что остается Овидию – мечтать, что он и делает: «Ты хоть как будто и строг, но тебя проведет она все же: Осуществится всегда то, что желан-

но двоим».

Тема ревности у Овидия возникает на протяжении чтения всего произведения, она сопряжена с непониманием и ярким неприятием описанной в элегиях несправедливости, а также с искренней ненавистью к мужу возлюбленной: «Нет, не хочу, чтоб и он сладко тебя целовал!».

Тяжелая борьба идет у автора с самим собой в связи с тем, что он любит порочное, и сам это понимает. Такое раздвоение ему противно, он страдает и изливает свои страдания в стихи.

Наряду с этим поэт отмечает, перечисляя положительные на его взгляд (в первую очередь – физические) качества других женщин, что и они вызывают у него страсть и желание, однако любит он другую, ту, чье описание он в полной мере не дает, очевидно, потому что это обесценит ее образ.

Примечательно, что Овидий видит единственную преграду их отношениям – ее статус замужней женщины, в остальном же поэт уверен во взаимности их любви.

Сложные отношения у Овидия со смертью: в ходе размышлений он приходит к выводу о том, что лучше бы ему

*«О, я взмолюсь: до
того женщина —
сладкое зло».*

умереть, чем испытывать такие чувства. В шестой элегии он использует образ попугая-говоруна, чтобы смоделировать то, что будет происходить после его смерти. Автор строит отрывок на пересказе собственной жизни.

Любовные элегии строятся на истории любви лирического героя (автора, самого Овидия) к Коринне. Овидий периодически добавляет в свои стихи мелкие частности, например, оправдания в ответ на проявления ревности Коринны, сокрушения из-за того, что

о тайне влюбленных стало известно и т.д. Помимо этого, композиционно в элегиях содержатся отрывки, которые не относятся непосредственно к основной трагедии Овидия, а являются собой размышления поэта о любовных делах в целом, о его жизни, воспоминания о его друге Грецине, о его месте в мнимом мире без любви и др., например: «Если «Живи без любви!» мне бог какой-нибудь скажет, О, я взмолюсь: до того женщина — сладкое зло».

Совершенно очевидно, что влюбленный поэт жаждет новых мучений, от беспрепятственной любви начинает скучать, а запрет возбуждает чувства острее. В завершающих элегиях второй книги он смиряется с положением человека, которому предназначено – умереть от любви. Герой предъявляет к себе лишь одно требование: битва за возлюбленную должна продолжаться. «Я не люблю ничего, что не сулило бы мук». ■

Сегодняшний век твой - всегда

ПАВЛОВА АНАСТАСИЯ, Москва

Превозносимый и презираемый за свои произведения еще при жизни, Публий Овидий Назон тем более становится объектом пристального внимания литературной публики после своей загадочной гибели. Традиция римской любовной элегии в творчестве поэта преобразилась: вместо автобиографических романтических сюжетов – таинственный образ, появляющийся едва ли в половине элегий «Amores».

Наиболее интересный момент 35-54 строки, в которых Овидий изящно переплетает «золотой век» человечества при Сатурне и век, в котором живет сам.

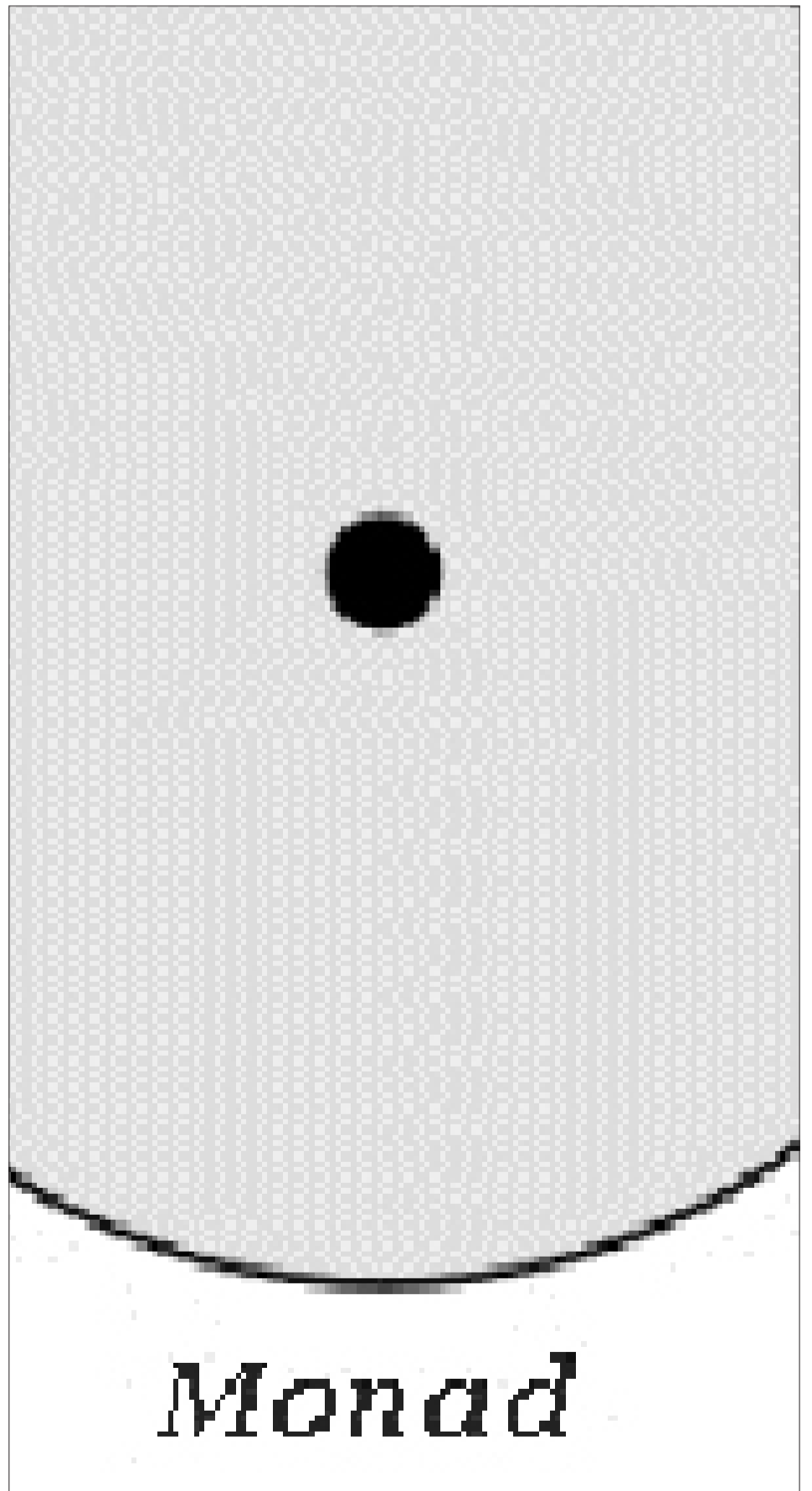
Такой ход дает читателю несколько интересных параллелей: во-первых, может быть, не намеренно, но поэт фактически ставит Октавиана Августа на одну ступень с богом титаном Сатурном, ведь оба они были создателями (Сатурн в прямом смысле слова) «золотого» поколения; во-вторых, переход создает образ цикла, если мы вспомним, одна из эклог Вергилия рассказывает о приходе нового «золотого века», ведь поэт обращается не только к мифологическому прошлому, но и к будущему, у Овидия также происходит это «возвращение», но с качественным изменением понятия «золотой век». По мнению поэта, в век, когда люди извлекли золото из земли, драгоценный металл стал мерой всех вещей – супружеской верности, уважения, любви, славы. Наконец, упомянутый в связи с темой золотого века, но важный сам по себе образ постоянно сражающегося государства, будто отражение в кривом зеркале Римского мира. Золото настолько стало необходимо людям, что из боязни его потерять они берут в руки оружие, закрываются стенами, совершают нападения, стремятся в «третье царство» - море, которое им не подвластно.

Овидий, описывая происходящее вокруг себя и своих современников, создал произведение, в котором закрепился вечный образ алчного золотого века, – к какой бы эпохе мы не обратились, кроме мифологических идеальных и счастливых поколений, «золотые» люди всегда озабочены материальным, поклоняются ему как идолу, убивают и жертвуют жизнью ради него. Применимо это и ко времени, в котором живем мы.

Так, восьмая элегия Овидия – это обращение к прошлому, предостережение настоящему и трагичное предсказание будущему. ■

Овидий стал завершителем процесса превращения жанра любовной элегии из субъективного в объективный, – отмечает литературовед Михаил Гаспаров. – Ощущение личного опыта настолько исчезает из его стихов, что уже современники не были уверены, существовала ли на самом деле Коринна или нет. Однако нас интересует иной образ в элегиях. Как и любой другой идущий в ногу со временем поэт, Овидий создает в своих произведениях образ современной действительности.

Восьмая элегия третьей книги – элегия, в которой Золотой век Сатурна превращается в Золотой век Августа. Удивительно, в столь лаконичном произведении Овидию удается подробно раскрыть традиционный образ римской любовной элегии, при этом привнося в него индивидуальное. Поэт начинает элегию с описания современных ему ценностей общества – превыше всего богатство, но особенно поэт сосредотачивается на себе самом: теперь возлюбленная девушка предпочтет богатого воина-убийцу бедному поэту, когда бы тот и был любимцем муз и Аполлона.

Образ возлюбленной в элегиях Овидия

СТРЕЛЬНИКОВА СОФЬЯ, Москва

Первыми элегиями Овидия являются «Песни любви» (“Amores”). В них поэт описывает свою музу, которую называет Коринной. Кто-то считает, что Коринна – это «едва ли какая-нибудь реальная женщина, скорее просто условно-поэтический образ», который был назван по имени древней беотийской поэтессы (около 500 г.), разрабатывавшей местные сказания на диалекте своей родины, а может быть, Коринна существовала на самом деле. В любом случае, предлагаю обратиться непосредственно к «Песням любви» и самим узнать, как выглядела и чем была хороша муза поэта.

Впервые Коринна по имени называется в первой книге, в пятой элегии. Овидий говорит, что Коринна – «девушка скромного нрава», и в полумраке её «опасливый стыд находит нужнейший приют». Но при этом поэт сравнивает свою возлюбленную с Семирамидой, Царицей Ассирии, которая убила супруга хитростью и завладела тронном, с Лаидой – «знавшей любовь многих мужей». Овидий говорит, что Коринна точно не недотрога, какой может показаться сначала:

«Легкую ткань я сорвал,
хоть, тонкая, мало мешала, —
Скромница из-за нее все
же боролась со мной.
Только сражалась, как те,
кто своей не желает победы,
Вскоре, себе изменив, дру-
гу сдалась без труда»

Тем не менее, эта скрытая хитрость не мешает поэту восхищаться красотой Коринны, он произносит: «Всё было восторга достойно». Девятая элегия этой же книги более романтична по сравнению с предыдущей. Здесь мы отойдём несколько от образа самой Коринны и обратимся к чувствам Овидия. Поэт, тоскуя по своей возлюбленной, просит её служанку передать «весточку любви», наказывая «смотри, не помешало бы что», заклиная «ты не из камня, в груди у тебя не кремь!». Мы понимаем, что поэт жаждет ночного свидания. Он просит служанку «наблюдать» за лицом возлюбленной, когда она прочитает таблички,

ведь «может заранее лицо многое выдать без слов». Затем влюбленный говорит писать «потесней и поля заполнять до края», вдруг тут же передумывает и говорит писать одно слово: «Приходи».

Далее рассмотрим шестую и восьмую элегию второй книги. В одной элегии говорится о том, как «попугай-говорун» вспоминает Коринну перед смертью, в другой сам поэт говорит некой служанке Кипассиде: «Кто же Коринне донес о тайной близости нашей?» В одиннадцатой элегии той же книги Коринна отправляется в дальнее путешествие, и поэт страстно ждёт её возвращения:

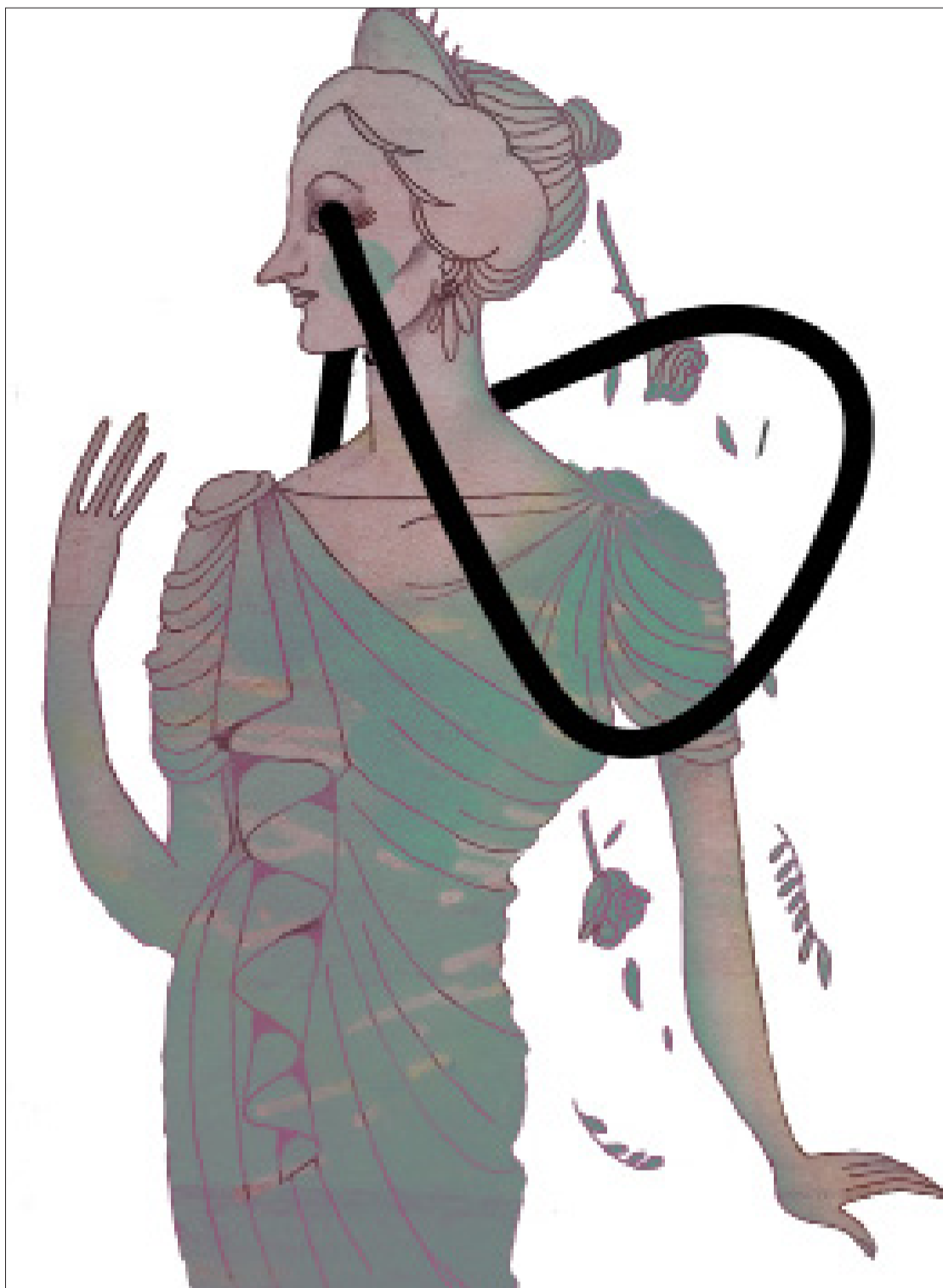
«Столь мне знакомый корабль
я с берега первый примечу
И, увидав, прошепчу: «Едет
мое божество!», а в двенад-
цатой – Овидий просит увен-
чать себя «триумфальными
лаврами», называясь ловким
стратегом, потому что он «по-
корил» сердце возлюбленной

*«Да, иногда я
хочу — смерти...
но вместе с
тобой!»*

и держит Коринну в своих объятиях. В тринадцатой элегии поэт рассказывает о том, как она подарила ему ребенка. Поэт волнуется за свою возлюбленную: «С жизнью в ней борется смерть. // Втайне решила она на опасное дело; я вправе // Гневаться... Только мой гнев меньше, чем страх за нее».

В четырнадцатой элегии Овидий упрекает любимую в том, что, крася волосы, она облысела: «Сколько я раз говорил: «Перестань ты волосы красить!» Вот и не стало волос, нечего красить теперь», но при этом всё равно старается ободрить: «Злополучье твое поправимо, // Скоро себе возвратишь прелесть природных волос!»

Начиная с семнадцатой элегии второй книги, образ Коринны меняется. Хотя поэт всё ещё хочет быть «добычей владычицы кроткой», он утверждает, что «к чванности прелесть

Изображение предоставлено Паршиной К.

ведёт», «Коринна резка и жестока», но притом всё равно очень красива, и даже существует некая девушка, которая услышала стихи Овидия и стала выдавать себя за Коринну. Так или иначе, поэт остаётся предан своей музе:

«Пусть же и в книжках
моих никогда не поется
другая, —
Ты лишь предметом одна
будь вдохновений моих!»

В девятнадцатой элегии Овидий называет Коринну не только жестокой, но и хитрой, лукавой. Впрочем, эта женская хитрость даже нравится Овидию:

«Чаще со мною лукавь,
чаще отказывай мне...»

Так лишь крепнет любовь,
в упражнении долгом мужает,
Вот чего требую я, вот чем
питается страсть.»

В седьмой элегии второй книги поэт, несмотря на красоту своей возлюбленной, уже не может возжелать её как раньше: «Иль не прекрасна она, эта женщина? Иль не изящна? Или всегда не влекла пылких желаний моих?»

Тщетно, однако, ее я держал,
ослабевший, в объятиях, Вя-
лого ложа любви грузом по-
стыльным я был».

Впоследствии поэт говорит, что его возлюбленная стала продажной, но считает, что сам виноват в этом:

«Ныне боюсь, чтобы мне не
пришлось делиться с другими
Той, что моей назвалась,
мною любимой одним!

Нет... А быть может, ее мои
же прославили книжки?
Именно так: мой талант
сделал продажной ее!

И поделом мне:
зачем я красу восхвалял
громогласно?»

Впрочем, несмотря на
измены, поэт всё равно хочет
до конца оставаться рядом со
своей музой (четырнадцатая
элегия, третья книга):

«Да, иногда я хочу —
смерти... но вместе с тобой!»

Таким образом, из непо-
трочной скромной юной
девушки Коринна преврати-
лась в продажную, жестокую
и лукавую женщину. И всё же,
существовала ли возлюблен-
ная Овидия в реальном мире?

Почему мы ему не верим?

ПОСТНИКОВ МИХАИЛ, Свиблово

Почему мы ему не верим? Больше того, не только ему, но и нашим глазам и ушам, действительности, которая нас окружает... Ведь многие обвинители – нашли в чём обвинять – сами знакомы или по крайней мере о Коррине слышали. Ответ простой: поэт сделал всё, чтобы наше доверие к нему стереть в порошок. Уже в своих «Любовных элегиях» он столько противоречивой прокуши наговорил и наобещал, что верить ему после такого будет только самый преданный лопух-читатель. Этот самый читатель, увидев последнюю поэму Овидия «Ибис» сразу ринется искать адресата и дойдёт до степеней известных, чуть ли не до царя. Но ведь самому Коринному слепцу совершенно очевидно: если поэт так обрушивается проклятиями на своего обидчика, но не удосуживается объяснить суть своих претензий, это значит, что нет никакого врага. Это просто удобная ситуация-маска, в которой можно потренироваться. Это актёрская «икра с пустотой», когда лицедей притворяется, что держит в руке кубок или сытно пирует, а на его столе пусто.

Овидий – именно такой поэт-лицедей. Подумать только! Он саморазоблачается в «Любовных элегиях» на каждом шагу, а кто-то ему ещё и верит...

Ну как можно верить поэту, если он с завидным самопод- заводом клянётся Коррине в вечной любви, но при этом постоянно ей изменяет! Как можно со спокойной совестью, не чувствуя оторопи читать строки:

«Сотни подруг не ищут, никогда волокитию не был»

И:
«Я никогда б не посмел за- щищать развращенные нравы, Ради пороков своих лжи- вым оружием бряцать»

И
«Что по-пустому мечтать?.. Ступай же, подарок мой скромный!»

Смысл его ясен: тебе вер- ность я в дар приношу».

А потом вот это:
Мне ли стыдиться того, что не смущало царей?»

Вперемежку с рассужде- ниями, как и почему поэт мо- жет влюбиться вообще в кого угодно, независимо от ума, происхождения или внешно- сти. И так же, как с «Ибисом», несоответствие обещаний са- мим себе и реальности. Сколь- ко раз поэт в гневе восклицает, что силой проникнет в дом Ко-

ринны? А сколько повествует о своих любовных триумфах с ней? И как же горько он укоря- ет её, что обещала, мол, быть вечно рядом, а сама ушльвывает! Бедный, несчастный! Хочется даже спросить: что ж ты такой триумфатор ждёшь, что она сама к тебе прискачет, мужа оставив, а пишешь потом, что тебе ничего не страшно и хоть Альпы перейдёшь, хоть мужа её глупого побьёшь? Пишешь жалобу, что «запрета не веда- ешь», а сам при этом на про- тяжении всей элегии только и описываешь, что запреты.

Удивительный, конечно, поэт, как-то умудряющийся заставлять читать свои эле- гии, а не отвернуться от них в бешенстве и возмущении логической непоследователь- ностью. Будь тут Аристотель... Хотя какой в нашем мире Ари- стотель!

«Я не позорю тебя, мне по- вода нет отдаляться,

Незачем нам и скрывать нашу любовную связь».

«Сколько уж раз «Отойди, не мешай!» говорил я подруге, Но на колени ко мне тот час садится она!»

Или
«Мне стыдно...» скажу, — а милая чуть ли не в слезы.

«Горе мне! — шепчет, — моей стал ты стыдиться люб- ви...»

Ну как это, ну что это. Хотя одно своё обещание Овидий всё-таки выполнил. Он напи- сал:

«Пусть же и в книжках моих никогда не поётся другая, — Ты лишь предметом одна будь вдохновений моих!»

И это осуществилось. Дру- гая в его книжках действи- тельно не поётся, но это просто потому, что другой в природе быть не может! Потому что Ко- ринна наделена вообще всеми возможными женскими ка- чествами – кроме них нет ни- чего. И писал бы поэт дальше о любви, мог бы следующих своих возлюбленных называть Коринной – разницы-то ника- кой. Коринна это такая пустая рамка, в которую вставляй чей угодно портрет.

Совершенно будет ожида- емо, если окажется, что во- все он не умер, а живёхонек и просто новую тему для стихов искал. И мы ещё с вами про- читаем «Могильные элегии», друзья, не сомневайтесь!

Анонимное письмо в редак- цию:)

■

Изображение предоставлено Паршиной К.

СУПРУГ, КИПАССИДА И ПОПУГАЙ

ПОПОВ ИВАН, Бабушкинская

Что может сказать о человеке лучше, чем те, кто окружал его? Мы составили несколько портретных очерков тех, кто был рядом с Овидием в разные периоды жизни, естественно основываясь на произведениях самого поэта.

1 Супруг Коринны, который пожелал остаться инкогнито.

Поэт, посвящающий свои стихи замужней женщине, конечно, не мог испытывать теплых чувств к ее супругу. «С нами сегодня в гостях и муж твой ужинать будет, — Только в последний бы раз он возле- жал за столом!» — восклицает поэт, и мы понимаем, что для Овидия муж Коринны не более чем соперник, которого надо победить. При этом, Овидий попадает в довольно неловкую ситуацию: с одной стороны- это соперник недостойный, в элегиях муж Коринны жалок, глуп,

«Слезы увидев жены, он сам заплачет»

неряшлив, он не может проти- виться воле своей женщины, поддается ее слезам, но в то же время приставляет к ней охран- ника. «Слезы увидев жены, он сам заплачет». С другой же сто- роны — у мужа перед Овидием явное преимущество — священ- ные узы брака гораздо сильнее страсти бедного поэта, более того, мужчина все-таки любит свою неверную жену. Естествен- но, такое положение дел приво- дит поэта в негодование, в своих элегиях он неоднократно под- черкивает, насколько никчем- ным соперником, и даже советует Коррине, каким образом обма- нуть супруга, чтобы сбежать к любовнику. Любовь Коринны в конечном счёте достаётся имен-

но Овидию: «Я победил! Уве- чайте мне лоб, триумфальные лавры! Да! Я Коринну держу крепко в объятиях своих. А ведь и муж, и привратник, и дверь, и враги мои скопом — Все стере- ги, чтоб ее хитростью взять не могли».

2 Далее в нашей галерее портрет служанки Кипассиды.

Девушка появляется в вось- мой элегии второй книги. Ки- пассида служит в доме Кори- ны, из элегии мы узнаем, что госпожа благосклонна к ней. Однако положение дел измени- лось, когда девушка вступила в любовную связь с Овидием. Что же мы узнаем о Кипассиде? Эта девушка весьма искусна в сво- ем деле, поэт говорит, что ее навыки достойны того, чтобы служить самим богам; что не маловажно для Овидия, девуш- ка стыдлива, ведь она покрасне- ла перед госпожой еще до того как обман был раскрыт, но в то же время девушка «отнюдь не простой оказалась в любов- ных забавах». Удивительно, но кроме Коринны и Кипассиды другие женские образы в эле- гиях Овидия, только если они не являются мифологическими, не обладают именами, что дает нам повод задуматься: была ли эта связь между известным по- этом и простой рабыней чем-то большим, нежели простой ин- трижкой...

3 «Попугай-говорун с Востока, из Индии родом»

Овидий разрабатывает тра- диционные темы с максимальной полнотой и раскрытием всех не выявленных до него возможностей. Мотивы и си- туации, у других поэтов лишь намеченные, у Овидия нередко разрастаются в целую элегию. Так, небольшое стихотворе- ние Катутла на смерть воробья любимой вдохновило Овидия на создание большой элегии о скончавшемся попугае Корин- ны. Овидий подробно описыва-

ет яркий внешний облик питом- ца, подмечая и его прекрасный голос, а также то, что он за ко- роткое время стал любимцем

Смерть забирает лучших, а наихудшее — проживает жизнь полностью

Коринны. Возвышенный тон и скорбный пафос в элегии вы- глядят иронично, однако в этом произведении есть меткое заме- чание — попугай, как непохожий на остальных птиц, погиб из-за того, что владел человеческим языком и был лучшим из свое- го рода. Так и у людей, — говорит нам Овидий, смерть забирает лучших, а наихудшее — прожи- вает жизнь полностью. ■

Интервью с Амуром

КАК ОБЪЯСНИТ ЖЕСТОКОСТЬ К ПОЭТУ СЫН АФРОДИТЫ И АРЕСА

СТРАТОНОВА, ИСАЕВА

Один из самых запоминающихся образов элегий Овидия – образ бога любви. О том, каким же видел бога с множеством именно знаменитый поэт – наши корреспонденты.

Интервьюер: Итак, мы берём интервью у ещё одного героя любовных элегий Овидия. Представьтесь, пожалуйста. Как к вам обращаться? Амур, или просто Купидон?

Амур: Овидий чаще звал меня Амуром. Бывало и Купидоном, а однажды даже Эротом. Помните эту строчку? «Ведь ни Венера сама, ни Эрот воевать не способны».

И.:Как Вы появились в элегиях Овидия?

Амур: Я, однако, не просто появился в них, но и оказал влияние на его творчество. Как писал сам Овидий, я «у стиха тайно похитил стопу». Кому бы было интересно читать однотипные героические поэмы. Все они уже написаны. Я решил вмешаться в творчество Овидия и дать новую тему для его песен.

И.:Сначала у вас отношения не сложились, но что же

было дальше? Как так получилось, что Овидий написал «Стало быть, здесь один лишь Амур со мною»?

Амур: Поначалу, он противился: «Кто же такие права тебе дал над стихами, злой мальчик?», «Честолюбивый, зачем новых ты ищешь забот?», и считал, что я ему только мешаю: «Только лишь с первым стихом возникла новая книга, Как обрывал Купидон тотчас мой лучший порыв.» Тогда мне пришлось воспользоваться своими стрелами, которые, как отмечает Овидий, очень метки. Овидий часто сравнивал меня с мальчиком и связывал мой образ с моей матерью Венерой. Также часто моё имя сопровождал эпитет «жестокий» или «гневный». Когда он покорился и признал мою силу, он писал следующее:

«Я признаюсь, я новой тобой оказался добычей,

Я побежден, я к тебе руки простер, Купидон.

Незачем нам враждовать, я мира прошу и прощенья»

Овидий отдал во власть все свои чувства. Даже выбор возлюбленной он описывал как мой ей дар. Так и вышло, что мы стали с ним неразлучны:

«Если б я даже хотел, его отстранить я не в силах, —

Легче было бы мне с телом расстаться своим.»

Вернее, он считал, что я поселился в его груди и порожаю все эти чувства, а не владею ими. Но это лишь один из аспектов образа, который создал вокруг меня Овидий в своих элегиях.

И.: Каким ещё Вы предстаёте в восприятии Овидия?

«Только лишь с первым стихом возникла новая книга, Как обрывал Купидон тотчас мой лучший порыв.»

Амур: Овидий построил вокруг меня образ воителя.

«Всякий влюбленный — солдат, и есть у Амура свой лагерь.

В этом мне, Аттик, поверь: каждый влюбленный — солдат»

Чего стоят эти строки? Я предстаю настоящим полководцем, а мои солдаты - те, кто подойдёт и для войны. Разве получится из старика добрый воин? Нет, на поле боя он падёт и в делах любви тоже - безнадёжен. Тут нужна любовь, искусство любви.

Вся эта большая метафора: любовь - поле боя. Разве она не правдива?

Да, по-прежнему Овидий использует такие эпитеты как «гневливый», «жестокий», но разве полководец не должен быть таким? «Вооружённый», «стреломосец» - так называет меня Овидий. Я вооружён стрелами и факелом, я - триумфатор, который разит сердца любовью. Он сравнивает меня с Цезарем, просит, подобно моему известному родственнику, быть снисходительнее с побеждёнными.

Но контрастен по сравнению со мной мой воин. Он безоружен и гол передо мной. Он сам складывает передо мной

своё оружие.

«Снова знакомой стрелой целит румяный Амур.

Что же, стреляй! Я оружие сложил, я стою обнаженный.

В этих боях ты силен, не изменяет рука»

Ведь, как я уже говорил, сам Овидий смирился со своей участью и принял мой дар.

А как вам эти строки:

«Рядом с тобой Соблазны пойдут, Заблуждение, Буйство, —

Где бы ты ни был, всегда эта ватага с тобой.

Ты и людей и богов покоряешь с таким ополчением»

Все верно. Я же и самого Громовержца поразил своими стрелами. Не по моей ли вине ему образ быка, и орла, и многих принимать пришлось? На всё моя воля! И бессмертных я победить могу, такова моя сила.

И.:Ваши взаимоотношения не задались только сначала. Но с каждой книгой Овидий всё меньше места уделял изображению Вашего образа. Есть ли у Вас объяснение этому?

Да, со временем меня становилось все меньше в его элегиях

Амур: Да, со временем меня становилось все меньше в его элегиях, но я не могу винить Овидия за то. Всё-таки его творчество не ограничилось изображением моего триумфа. Есть в элегиях и образ возлюбленной, и даже двери, что стоит между ними. Овидий просто стал больше места уделять им. В третьей книге Овидий вкладывает в мой образ черты своего разочарования и сам предстаёт разбитый любовью:

ДВЕРЬ (СКОРО В ПРОДАЖЕ)

Мария Розова
1 course Books
ISBN 978-84-9777-579-3

Мы рады вам представить новую книгу Марии Розовой, по мотивам любовных элегий Овидия. Эта молодая экстен-

сивная пьеса написана от лица Двери и повествует о любовных перипетиях. С позволения автора, мы публикуем отрывок для всех заинтересованных читателей:

Дверь: Столько он выплакал слёз. Ха! Стихи пишет – как дышит! Фальшив в каждом слове.

Овидий (Привратнику): Слушай, мне показалось, или дверь скрипнула?

Привратник: Даже не мечтай. Захожу – скрипит, не захожу – не скрипит.

Дверь: Тоже мне, указчик нашёлся.

Овидий: Нет, привратник, всё-таки она скрипнула.

Привратник: Это мозги твои от студёного воздуха поскрипывают. Шёл бы себе домой.

Дверь: Да! Проваливай от-

сюда! Сегодня я точно никого не впущу. Не догадываешься, что ты – в моей власти? Все вы. Ведь я – дверь! Двуликому Янусу подобная! Только не в прошлое и не в будущее смотрю, как мой великий покровитель, а на разделённые сердца. Кого захочу, того и впущу. Овидий: Жестокая дверь!

Дверь: Да-да, наслышана. И ещё коварная, непреклонная, упрямая, неприютная, окаянная и с надменным порогом. Приятно познакомиться. Однажды, знаете, мне захотелось порезвиться, и я стала громко скрипеть, чтобы Овидий подумал, что Коринна открывает ему дверь. Так он сразу начал декламировать (кривляется голосом):

Дрогнули створы, и мне скрип их пророчит успех?..

Нет... Я ошибся... На дверь налетело дыхание ветра...

Никак не додумается, что это всё я - сразу начал стихи слагать (кривляется):

Как далеко ветер надежды унёс!

И молиться богу Борю, чтобы он сильнее подул и меня взломал. Какой болван!

Овидий (декламирует):

Будьте здоровы и вы, порог, столбы и затворы

Крепкие, — сами рабы хуже цепного раба!

Дверь (испуганно): Ой, неужто меня услышал?

Овидий: Так бы я сказал, если бы ты, привратник, меня не собирался впустить.

Дверь: Слава Юпитеру. Я уж испугалась.

Овидий: Но я верю, что тыпустишь.

Привратник: Мечтать не вредно.

«Пальцем частенько в толпе на поэта указывать стали:

«Вот он тот, кого сжег страстью жестокий Амур!»»

Однако в конце третьей книги он и вовсе прощается с жанром элегии, уступая место другим поэтам, которым есть ещё что рассказать о любви, моим новым воинам. ■

Конец ознакомительного фрагмента. ■

Авторы сценария Попов Иван, Анастасия Павлова

Авторы докладов (и драматического этюда), играющие сами себя:

- Исаева Анастасия
- Стратонова Елизавета
- Попов Иван
- Стрельникова София
- Павлова Анастасия
- Ромащенко Семён
- Розова Мария
- Постников Михаил

Художник-оформитель, исполняющий роль Верстальщика и арт-директора Пройдисвет Ксения

Художник-иллюстратор, играющий сам себя Паршина Екатерина